

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В.В. Сидорин

Об одной попытке переоценки философии истории В.С. Соловьева

Фигура В.С. Соловьева всегда привлекала внимание западных исследователей¹. Одним из последних достижений западного соловьеведения стала вышедшая в 2004 г. в издательстве Peter Lang AG монография молодой исследовательницы Манон де Куртен (Manon de Courten) «История, София и русская нация. Переоценка взглядов Владимира Соловьева на историю и его социальная ориентация» (History, Sophia and the Russian Nation. A Reassessment of Vladimir Solovyov's Views on History and his Social Commitment). Монография была написана автором для защиты докторской диссертации в Ниймегенском университете (Нидерланды)². Это исследование, к сожалению, почти не известно в России. В данной статье – и в переводе, который она предваряет, – я попытаюсь хотя бы частично восполнить этот пробел.

¹ О рецепции творчества Соловьева на Западе см.: *Максимов М.В.* Владимир Соловьев и Запад: Невидимый континент. М.: Прометей, 1998; *Мотрошилова Н.В.* Post Scriptum: Новейшие исследования философии В. Соловьева // *Мотрошилова Н.В.* Мыслители России и философия Запада. М.: Республика; Культурная революция. 2007. С. 171–181; *Belkin D.* Die Rezeption V. S. Solov'evs in Deutschland. Tübingen, 2000.

² Научным руководителем Манон де Куртен был известный европейский специалист по истории русской мысли Эверт ван дер Зверде (Evert van der Zweerde) – руководитель Центра по изучению русской культуры при Ниймегенском университете (Center for Russian Humanities Studies).

В своей работе Манон де Куртен исходит из тезиса, что в отличие от своей этики и метафизики Соловьев так и не представил тщательно разработанной и систематизированной философии истории. Его многочисленные взгляды по данной тематике представлены фрагментарно, рассеяны по разным текстам. И это тем более удивительно, что в своем творчестве русский мыслитель демонстрирует устойчивый интерес к исторической проблематике. Обращение русского философа к историческому материалу зачастую выполняет иллюстративную функцию: с помощью исторических фактов он пытается подтвердить то или иное метафизическое или этическое положение. Но в то же время русский мыслитель придает исторической действительности громадное значение: считает ее местом встречи Бога и человека, включает исторический процесс в метафизическую картину мира. Все это, по мнению де Куртен, запутывает читателя относительно истинных воззрений Соловьева на историю. Многие исследователи склонны сводить все многообразие философско-исторических воззрений русского мыслителя к некой единой недифференцированной линии. Де Куртен же заявляет о намерении реконструировать философию истории Соловьева во всей ее сложности и противоречивости. Для этого она использует трехчастную эвристическую модель (three-fold model), смысл которой заключается в различении в философии истории Соловьева трех составляющих ее элементов – теологии истории, философии истории и софиологии истории. Для их обозначения де Куртен предлагает использовать заимствованный из музыковедения термин «регистр» (register)³. Под регистрами она понимает «различные комплексы идей, которые тематически близко связаны и формируют определенную перспективу, не будучи представлены, тем не менее, в качестве гомогенного единства в тексте. Скорее термин “регистр”, который заимствован из музыковедения, подразумевает, что эти элементы имеются в различных местах и рассеяны на протяжении всего текста»⁴. Каждый из трех регистров имеет свои источники вдохновения и представляет собой определенную линию понимания русским философом исторической действительности. При этом

³ Под «регистром» в музыковедении понимается часть звукового диапазона музыкального инструмента или певческого голоса, занимающая определенное высотное положение и содержащая звуки, схожие по тембровой окраске и динамике звучания.

⁴ *Courten de Manon.* History, Sophia and the Russian Nation. A Reassessment of Vladimir Solovyov's Views on History and his Social Commitment. Bern: Peter Lang AG, 2004. P. 49.

софиология истории Соловьева является попыткой достижения синтетического единства традиционной христианской модели истории (теология истории) и современной концепции исторического процесса (философия истории). Проект этого синтеза – и это ключевой тезис исследования де Куртен – так и остался неосуществленным, поскольку соловьевская концепция Божественной Мудрости (стержень этого проекта) в большинстве текстов русского мыслителя содержится имплицитным образом. Предлагаемая трехчастная эвристическая модель позволяет, по мысли де Куртен, собрать, понять и классифицировать разбросанные по всему творчеству русского мыслителя философско-исторические элементы.

Важнейшим моментом реконструкции истинных философско-исторических воззрений Соловьева должно стать, – по мысли автора исследования, – обращение к социально-политической позиции русского мыслителя, поскольку Соловьев никогда не ориентировался исключительно на теоретические размышления. В течение своей жизни русский философ достаточно активно участвовал в общественно-политической жизни России (преимущественно как публицист), прилагал усилия для практического воплощения принципов и ценностей своей философии.

Таким образом, де Куртен формулирует две исследовательские задачи, которые намеревается решить. Во-первых, это анализ историко-философских воззрений русского философа с помощью предложенной ею трехчастной эвристической модели. И, во-вторых, исследование социально-политической ориентации Соловьева, его позиций по важнейшим вопросам современной ему общественной жизни России.

Структура исследования полностью соответствует поставленным задачам. Монография состоит из двух частей. В первой – теоретической – части развивается вышеуказанная эвристическая модель, позволяющая разграничить в философско-историческом творчестве русского мыслителя три элемента. Во второй – исторической – части де Куртен исследует позиции Соловьева по пяти главным современным ему социально-политическим проблемам – убийство Александра II, проблема старообрядцев, еврейский и польский вопросы и голод 1891–1892 гг., – и пытается установить, в какой мере реакция мыслителя на эти вопросы соответствует его теоретическим убеждениям.

Главная проблема, с которой сталкивается де Куртен при использовании своей эвристической модели, – трудность строгого разграничения философского и теологического регистров. Теология истории и философия истории оказываются близко связанными друг с другом. Обе схемы,

первая из которых ведет свое происхождение от бл. Августина, вторая – от Гегеля, подразумевают два уровня понимания истории: собственно исторический процесс в смысле совокупности фактов и некий сверхфактологический уровень. Именно последний уровень и его отношение к первому понимаются ими по-разному. Трудность заключается в том, что почти все философы истории были христианами или вышли из христианской культуры, а значит, христианская теология истории послужила для их философий истории непосредственным источником вдохновения и влияния. Кроме того, имеет место частое совпадение терминологии философии истории и теологии истории, что относится, например, к таким понятиям, как «человечество», «цель истории» и др. Тем не менее можно выделить главные различия между этими двумя способами осмысления исторической действительности.

Ключевой вопрос теологии истории есть вопрос: «Зачем Бог сотворил историю?». Ее фундаментальными характеристиками оказываются акцент на трансцендентном Боге как главном действующем агенте истории, и онтологическая дистанция между Ним и миром. Считается, что Бог определяет начало и конец истории, ее смысл, два других агента – церковь и государство – действуют во имя реализации метаисторического содержания христианства.

В противоположность теологии философия истории акцентирует внимание не на Боге, а на мире, на самом историческом процессе, субъектами которого являются человечество, нации и индивиды (или исторические герои). Соловьев активно использует эти ключевые категории философии истории XIX в., в силу чего постоянно обращается к идеям Конта, Гегеля и своего отца Сергея Соловьева.

Таким образом, отмечая ряд трудностей, де Куртен формулирует основополагающее различие между двумя схемами понимания истории. Если для теологии истории смысл исторической действительности помещается в трансцендентном Боге, то в философии истории он имманентен самому историческому процессу. Соловьев же в противоположность ведущей тенденции философии истории XIX в. вводит теологический элемент в историю с тем, чтобы вопреки Гегелю и Конту – двум столпам философии истории XIX в. – твердо заявить о трансцендентности Бога и Его влиянии на исторический процесс.

Пытаясь в рамках одной системы объединить философский и теологический регистры своей мысли, Соловьев, по мнению де Куртен, оказался перед необходимостью согласовать противоположные элементы и идеи. «Чистая имманентность против первичности божественной трансцендентности, человеческая деятельность против бо-

жественного вмешательства, эволюция против творения, разум против веры, – кажется, что философию истории и теологию истории невозможно синтезировать в пределах одной системы»⁵. Подобно Гегелю, русский мыслитель ищет возможность решить эту задачу. И находит ее в своей софиологии истории.

Стержень софиологии Соловьева – мистические видения Софии и утверждение русского философа о мировой душе, наличествующей в природе. Соловьев пытается дискурсивно выразить свои интуиции, концептуализировать связь между Богом и человеком через Софию. «В этом смысле посредничество есть центральное определение софиологии истории в отличие от теологии истории, которая акцентирует внимание на онтологической дистанции между христианским Богом и миром, и в отличие от философии истории, которая фокусируется на мире безотносительно к трансцендентному уровню»⁶. Софиология истории рождается из двух «традиционных» регистров, так как пытается интегрировать божественную трансцендентность (центральную категорию теологии истории) и принцип процесса, характерный для философии истории. Это наиболее оригинальная часть историософских построений Соловьева, которую, однако, как указывает де Куртен, русский мыслитель лишь эскизно наметил, так и не разработав ее более тщательным образом.

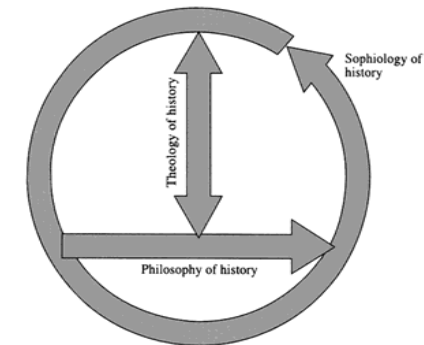
Распутывание переплетения в творчестве Соловьева трех регистров и исследование усилий Соловьева по комбинированию трех линий приводит де Куртен к различению трех видов связи между регистрами мысли русского философа. Во-первых, это «комплементация» между регистрами, их взаимодополнительность⁷. Так, философский и теологический регистры дополняют друг друга в соловьевской концепции исторического становления Богочеловечества. «Комплементация» есть и в соотношении теологии и софиологии: Соловьев, стремясь обосновать Софию в христианской традиции, определяет ее в отношении к Троице. Во-вторых, комбинирование трех регистров в рамках одной системы приводит к значительной напряженности между ними. Очень ярко это проявляется в соловьевской концепции времени, которая весьма противоречива, особенно в отношении понятия Бога: если с теологической точки зрения Он не изменен, то софи-

⁵ Ibid. P. 206.

⁶ Ibid. P. 267.

⁷ Термин «комплементация» взят де Куртен из генетики, где он обозначает дополняющее друг друга действие двух форм (аллелей) одного гена или разных генов одного хромосомного набора.

ологические построения Соловьева приводят к подчинению Бога историческому становлению, а значит, времени. И, наконец, в-третьих, синтез философского и теологического регистров в софиологии. Между философским и теологическим пониманием истории очевиден серьезнейший конфликт – противоречие между трансцендентным и имманентным пониманием смысла исторического процесса. Единственная возможность теоретически свести эти две точки зрения вместе – приблизить Бога к миру. В принципе это можно сделать через пантеистическое осмысление отношений между Творцом и творением. Но пантеизм для русского философа неприемлем. Второй путь – и именно здесь, по мнению де Куртен, сказывается глубокая оригинальность мысли Соловьева – это придать Софии центральное значение в своих историософских построениях, отождествить ее с идеальным человечеством. Для иллюстрации синтезирующей функции софиологии истории де Куртен предлагает следующую схему:

Схема, по ее мнению, показывает: если теология истории имеет отношение к высшему, божественному, вневременному, трансцендентному этому миру уровню, то философия история сосредоточивается на рассмотрении событий исторического процесса, который представляет собой разворачивающееся во времени прогрессивное движение человечества от начала истории к ее завершению. С помощью софиологии истории Соловьев пытается замкнуть эти два уровня в пределах одной системы. Схема наглядно представляет все величие и масштаб историософского проекта русского философа, который, однако, как постаралась показать в своем исследовании де Куртен, так и остался неосуществленным замыслом.

Соловьев никогда не был философом, ориентированным исключительно на теоретическое осмысление действительности. Русский

мыслитель приложил немало усилий для реализации своих идеалов на практике. Центральной характеристикой идеи Софии мыслилось посредничество между теологической и философской линиями осмысления истории; идея посредничества как таковая может быть представлена и как главная характеристика миссии Соловьева. Русский мыслитель пытался транслировать вечную истину в современную ему ситуацию: «его вмешательства (interventions) [в общественную жизнь России. – прим. пер.] обнаруживают, что их мотивацией было убеждение в том, что русский народ обладает качествами для того, чтобы быть посредником между небесами и землей и конкретно воплотить Софию»⁸. Во второй части своей монографии де Куртен исследует, какими путями, в каких случаях и с какими результатами Соловьев обращается к центральным институтам России второй половины XIX века – государству, церкви, земству – для осуществления в России идеала свободной теократии. Она выделяет пять главных социально-политических вопросов, современных Соловьеву, – это царевубийство 1 марта 1881 года, проблема старообрядцев, еврейский и польский вопросы и голод 1891–1892 гг., – в обсуждении которых русский философ принял самое деятельное участие. Каждый из этих пяти вопросов был вызовом для соловьевского идеала свободной теократии и вместе с тем шансом на приближение к реализации этого идеала. Главной целью участия Соловьева в общественной жизни России было, по мнению де Куртен, объединение социальных групп российского общества, в частности образованного общества и крестьянства, православных (включая старообрядцев) и католиков (прежде всего поляков) и евреев. Решение каждого из этих вопросов способом, предложенным русским философом, должно было, по его мысли, сделать российское общество единым и цельным, что способствовало бы выполнению русским народом своей исторической миссии.

Манон де Куртен указывает, что уже в своем первом и, наверное, самом громко прозвучавшем вмешательстве в социально-политические реалии своего времени, – обращении к императору Александру III с призывом помиловать убийц Александра II – русский мыслитель продемонстрировал все компоненты своей социальной ориентации. Это «во-первых, история как отличительный признак его дискурса, во-вторых, занимаемая им публичная позиция пророка, в-третьих, его адресат – образованное общество и, в-четвертых, полемический настрой в отношении властей»⁹. Де Куртен отмечает и се-

⁸ Courten de Manon. History, Sophia and the Russian Nation. P. 267.

⁹ Ibid. P. 303.

резный недостаток Соловьева-публициста. По ее мнению, анализ всех вышеуказанных пяти случаев показывает, что Соловьев при формулировании своей социально-политической позиции зачастую подбирал лишь те факты, которые подходили под его точку зрения, и довольно поспешно приходил к тем или иным выводам. Фактически его метод состоял в толковании проблемы с точки зрения своих идеалов, что часто приводило к упрощению проблемы, к ее редукции к одному или нескольким аспектам и неприятию всех иных факторов. Оригинальность же мысли Соловьева проявлялась скорее не в специфичности тех или иных позиций, которые он публично озвучивал, а в комбинировании точек зрения, обычно защищаемых различными политическими лагерями. Идея отмены смертной казни сочеталась у русского философа с идеей укрепления монархии, защита принципа религиозной свободы – с надеждой на переход в православие евреев и старообрядцев.

Де Куртен предлагает учесть соловьевскую схему (представленную в «Философских началах цельного знания»¹⁰) социальных институтов и лидеров, вовлеченных в свободную теократию, и тогда публичные выступления Соловьева по рассматриваемым вопросам можно распределить в зависимости от адресата следующим образом:

Институт	Лидер	Рассматриваемые проблемы
Церковь	Папа	Старообрядцы, польский вопрос
Государство	Царь	Царевубийство, старообрядцы, еврейский и польский вопросы
Образованное общество, объединенное с народом (земство)	Пророк	Старообрядцы, еврейский и польский вопросы, царевубийство, голод

Данная таблица подчеркивает, по мысли де Куртен, ряд важных моментов в социально-политической деятельности философа. За исключением одного случая адресатом Соловьева так или иначе, прямо или косвенно оказывается государство, что демонстрирует, насколько большое значение русский мыслитель придавал этому институту как субъекту исторического процесса. Однако, как показывает таблица, основным адресатом Соловьева неизменно оказывалось российское общество, которое и должно было сыграть главную роль в реализации соловьевского общественного идеала. При взгляде на таблицу, замечает де Куртен, можно изумиться, сколь малую роль по сравне-

¹⁰ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 153.

нию с центральным местом церкви в теократическом идеале Соловьева играло его обращение к Русской Православной Церкви. Возможным объяснением этого странного факта является то, что РПЦ русский философ рассматривал в противоположность образованному обществу как крайне консервативный элемент. К тому же со времен Петра I, упразднившего патриаршество и создавшего Священный Синод, церковь не была в России самостоятельным и независимым институтом. Да и роль пророка, которую активно играл Соловьев, в его случае подразумевала в качестве адресата именно общество, а не церковь.

Разумеется, трактовка Соловьевым тех или иных проблем современности основывалась на его концепции истории. Сложность и многоплановость его историософской мысли давали русскому философу, по мнению де Куртен, обширный инструментарий в его публицистической борьбе. «В то время как теология истории обеспечивает ему рамку (framework) для этической и религиозной интерпретации проблемы, его философия истории позволяет определить преследуемые религиозные меньшинства (евреев и поляков) как нации, занимающие свое место в развитии культуры, и поместить на первый план категорию “социального прогресса” (в пользу крестьянства и в противоположность идеям старообрядцев)»¹¹. Софиологический же регистр его мысли легитимизирует проповеднический и пророческий тон русского философа.

Однако проект Соловьева не был принят ни одним из лагерей общественной мысли России. Властями он зачастую воспринимался как нарушитель спокойствия, консерваторами – как лжепатриот, прогрессивными течениями – как утопист. По крайней мере, подытоживает де Куртен, в случае пяти рассматриваемых проблем, в обсуждении которых принял участие Соловьев, русский философ был проигнорирован современниками.

Проделанное исследование позволяет де Куртен сформулировать вывод о неудаче Соловьева как в разработке синтетической философии истории (софиологии), так и в практической реализации своего общественного идеала. «Он не достигает синтеза этих трех регистров. Его главный источник – София – остается спрятанной, его софиология истории не выходит за уровень наброска, а его идеал свободной теократии, несмотря на все усилия, терпит неудачу при конкретном воплощении (translation) в практическую реальность»¹².

¹¹ Courten de Manon. History, Sophia and the Russian Nation. P. 485.

¹² Ibid. P. 488.

На вопрос же, почему Соловьев так и не сумел осуществить свой масштабный синтетический проект осмысления истории, возможны лишь несколько гипотетических ответов. Де Куртен считает, что на неразработанность софиологии Соловьева оказало влияние его желание избежать обвинений в неортодоксальности, пантеизме и даже ереси. Сказались и нехватка времени, и манера работы русского философа – его своеобразная интеллектуальная поспешность (Solov'ev as a hastened thinker), – и сам масштаб подобного замысла.

Сложность и многоплановость философии истории Соловьева предполагают многообразие влияний в творчестве русского мыслителя. Де Куртен, не претендуя на всеобъемлющую полноту, – эта тема требует отдельного масштабного исследования – предпринимает попытку дать более или менее цельные характеристики этих влияний. В теологическом регистре построений Соловьева она прослеживает влияние восточных отцов Церкви, славянофилов, Тютчева и Достоевского; в философском – Конта, Гегеля и Сергея Соловьева; в софиологическом – каббалы, гностицизма, Бёме и Шеллинга. И наиболее сложным де Куртен признает вопрос о влиянии на философию истории русского мыслителя Г.В.Ф. Гегеля. Вниманию читателя предлагается перевод той части монографии де Куртен, в которой исследуется данный вопрос.

Историко-философские дискуссии по проблеме влияния Гегеля на философию Владимира Соловьева уже давно ведутся в отечественном соловьевоведении¹³. Все исследователи этой темы отмечали сложность и неоднозначность данного влияния, подчеркивали тот факт, что русский философ, с одной стороны, яростно критикует немецкого мыслителя, с другой – использует ряд его идей, интуиций и категорий. Де Куртен также соглашается со сложностью и многоплановостью гегелевского влияния. В соответствии с философско-исторической тематикой своей монографии она сосредотачивается на

¹³ Гайденок П.П. Испытание диалектикой: Соловьев и Гегель // Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 92–118; Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России: Кант – Гегель – Вл. Соловьев. М., 1996; Клайн Дж. Гегель и Соловьев // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 84–93. Максимов М.В. Соловьев и Гегель (к анализу философско-исторических воззрений) // Соловьевские исследования. 2001. Вып. 3 (3). С. 5–18; Печурчик Ю.Ю. Мистика Вл. Соловьева и Гегеля // Соловьевские исследования. 2006. Вып. 2 (13). С. 16–24; Роцинский С.Б. Гегелевские элементы в метафизической системе Соловьева // Роцинский С.Б. Владимир Соловьев и западная мысль: критика, примирение, синтез. М.; Элиста, 1999. С. 44–55; Сидорин В.В. Интерпретация гегелевской диалектики в «Оправдании добра» В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2012. Вып. 1 (33). С. 140–151.

анализе гегелевского «следа» именно в философии истории русского философа. При этом одним из основных тезисов де Куртен становится такое утверждение: русский философ неверно истолковал гегелевскую диалектику, недооценив важность и значимость ее отрицательного момента. Подобная точка зрения весьма спорна, но в целом исследование де Куртен обогатит историко-философские дискуссии по проблеме влияния Гегеля на Соловьева.

Автор выражает глубокую признательность издательству Peter Lang AG European Academic Publishers за любезное разрешение на публикацию отрывка из книги М. де Куртен и ценные замечания относительно перевода.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гайдено П.П. Искушение диалектикой: Соловьев и Гегель // *Гайдено П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 92–118.

Клайн Дж. Гегель и Соловьев // *Вопросы философии.* 1996. № 10. С. 84–93.

Лазарев В.В. Этическая мысль в Германии и России: Кант – Гегель – Вл. Соловьев. М., 1996.

Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998.

Максимов М.В. Соловьев и Гегель (к анализу философско-исторических воззрений) // *Соловьевские исследования.* 2001. Вып. 3. С. 5–18.

Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. М.: Республика; Культурная революция, 2007.

Печурчик Ю.Ю. Мистика Вл. Соловьева и Гегеля // *Соловьевские исследования.* 2006. Вып. 2 (13). С. 16–24.

Роцинский С.Б. Гегелевские элементы в метафизической системе Соловьева // *Роцинский С.Б.* Владимир Соловьев и западная мысль: критика, примирение, синтез. М.; Элиста, 1999. С. 44–55.

Сидорин В.В. Интерпретация гегелевской диалектики в «Оправдании добра» В.С. Соловьева // *Соловьевские исследования.* 2012. Вып. 1 (33). С. 140–151.

Соловьев В.С. Собр. соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988–1990.

Belkin D. Die Rezeption V. S. Solov'evs in Deutschland. Diss. Tübingen, 2000.

Courten de Manon. History, Sophia and the Russian Nation. A Reassessment of Vladimir Solovyov's Views on History and his Social Commitment. Bern: Peter Lang AG, 2004.